

10-20

95

10 КЛАСС

Время выполнения задания – 230 мин.

1. Аналитическое задание

Выберете один вариант задания – анализ поэтического ИЛИ прозаического текста.

Вариант 1. Выполните целостный анализ рассказа Ивана Алексеевича Бунина. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: своеобразие композиции произведения (какую роль играют в рассказе пейзаж, диалог, монолог рассказчика? Какие детали описания природы наиболее важны для раскрытия внутреннего состояния рассказчика и героев?); роль цитат из стихотворения А.А. Фета в повествовании; изменения в состоянии души героя-рассказчика и приемы, позволяющие писателю раскрыть это состояние. Подумайте над смыслом названия рассказа.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. Максимальный балл за задание – 70.

И.А. Бунин

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

19/42. В июне того года он гостил у нас в имении – всегда считался у нас своим человеком: покойный отец его был другом и соседом моего отца. Пятнадцатого июня убили в Сараеве Фердинанда. Утром шестнадцатого привезли с почты газеты. Отец вышел из кабинета с московской вечерней газетой в руках в столовую, где он, мама и я еще сидели за чайным столом, и сказал:

– Ну, друзья мои, война! В Сараеве убит австрийский крон-принц. Это война!

На Петров день к нам съехалось много народу, – были именины отца, – и за обедом он был объявлен моим женихом. Но пятнадцатого июля Германия объявила России войну...

В сентябре он приехал к нам всего на сутки – проститься перед отъездом на фронт (все тогда думали, что война кончится скоро, и свадьба наша была отложена до весны). И вот настал наш прощальный вечер. После ужина подали, по обыкновению, самовар, и, посмотрев на запотевшие от его пара окна, отец сказал:

– Удивительно ранняя и холодная осень!

Мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными, скрывая свои тайные мысли и чувства. С притворной простотой сказал отец и про осень. Я подошла к балконной двери и протерла стекло платком: в саду, на черном небе, ярко и остро сверкали чистые ледяные звезды. Отец курил, откинувшись в кресло, рассеянно глядя на висевшую над столом жаркую лампу, мама, в очках, старательно зашивала под ее светом маленький

шелковый мешочек, — мы знали какой, — и это было и трогательно и жутко. Отец спросил:

— Так ты все-таки хочешь ехать утром, а не после завтрака?

— Да, если позволите, утром, — ответил он. — Очень грустно, но я еще не совсем распорядился по дому.

Отец легонько вздохнул:

— Ну, как хочешь, душа моя. Только в этом случае нам с мамой пора спать, мы непременно хотим проводить тебя завтра...

Мама встала и перекрестила будущего сына, он склонился к ее руке, потом к руке отца. Оставшись одни, мы еще немного побыли в столовой, — я вздумала раскладывать пасьянс, — он молча ходил из угла в угол, потом спросил:

— Хочешь пройдемся немного?

На душе у меня делалось все тяжелее, я безразлично отозвалась:

— Хорошо...

Одеваясь в прихожей, он продолжал что-то думать, с милой усмешкой вспомнил стихи Фета:

Какая холодная осень!

Надень свою шаль и капот...

— Капота нет, — сказала я, — а как дальше?

— Не помню. Кажется, так:

Смотри — меж чернеющих сосен

Как будто пожар восстает...

— Какой пожар?

— Восход луны, конечно. Есть какая-то деревенская осенняя прелесть в этих стихах. «Надень свою шаль и капот...» Времена наших дедушек и бабушек... Ах, Боже мой, Боже мой!

— Что ты?

— Ничего, милый друг. Все-таки грустно. Грустно и хорошо. Я очень, очень люблю тебя...

Одевшись, мы прошли через столовую на балкон, сошли в сад. Сперва было так темно, что я держалась за его рукав. Потом стали обозначаться в светлеющем небе черные сучья, осыпанные минерально блестящими звездами. Он, приостановясь, обернулся к дому:

— Посмотри, как совсем особенно, по-осеннему светят окна дома. Буду жив, вечно буду помнить этот вечер...

Я посмотрела, и он обнял меня в моей швейцарской накидке. Я отвела от лица пуховый платок, слегка отклонила голову, чтобы он поцеловал меня. Поцеловав, он посмотрел мне в лицо.

— Как блестят глаза, — сказал он. — Тебе не холодно? Воздух совсем зимний. Если меня убьют, ты все-таки не сразу забудешь меня?

Я подумала: «А вдруг правда убьют? и неужели я все-таки забуду его в какой-то срок — ведь все в конце концов забывается?» И поспешно ответила, испугавшись своей мысли:

— Не говори так! Я не переживу твоей смерти!

Он, помолчав, медленно выговорил:

— Ну что ж, если убьют, буду ждать тебя там. Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне.

Я горько заплакала...

Утром он уехал. Мама надела ему на шею тот роковой мешочек, что зашивала вечером, — в нем был золотой образок, который носили на войне ее отец и дед, — и мы все перекрестили его с каким-то порывистым отчаянием. Глядя ему вслед, постояли на крыльце в том оцепении, которое всегда бывает, когда проводишь когда-нибудь на долгую разлуку, чувствуя только удивительную несовместимость между нами и окружавшим нас радостным, солнечным, сверкающим изморозью на траве утром. Постояв, вошли в опустевший дом. Я пошла по комнатам, заложив руки за спину, не зная, что теперь делать с собой и зарыдать ли мне или запеть в голос...

Убили его! — какое странное слово! — через месяц, в Галиции. И вот прошло с тех пор целых тридцать лет. И многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно думаешь о них, перебираешь в памяти все то волшебное, непонятное, не постижимое ни умом, ни сердцем, что называется прошлым. Весной восемнадцатого года, когда ни отца, ни матери уже не было в живых, я жила в Москве, в подвале у торговли на Смоленском рынке, которая все издевалась надо мной: «Ну, ваше сиятельство, как ваши обстоятельства?» Я тоже занималась торговлей, продавала, как многие продавали тогда, солдатам в напехах и расстегнутых шинелях кое-что из оставшегося у меня, — то какое-нибудь колечко, то крестик, то меховой воротник, побитый молю, и вот тут, торгуя на углу Арбата и рынка, встретила человека редкой, прекрасной души, пожилого военного в отставке, за которого вскоре вышла замуж и с которым уехала в апреле в Екатеринодар. Ехали мы туда с ним и его племянником, мальчиком лет семнадцати, тоже пробиравшимся к добровольцам, чуть не две недели, — я бабой, в лаптях, он в истертом казачьем зипуне, с отпущенной черной с проседью бородой, — пробыли на Дону и на Кубани больше двух лет. Зимой, в ураган, отплыли с несметной толпой прочих беженцев из Новороссийска в Турцию, и на пути, в море, муж мой умер в тифу. Близких у меня осталось после того на всем свете только трое: племянник мужа, его молоденькая жена и их девочка, ребенок семи месяцев. Но и племянник с женой уплыли через некоторое время в Крым, к Врангелю, оставив ребенка на моих руках. Там они и пропали без вести. А я еще долго жила в Константинополе, зарабатывая на себя и на девочку очень тяжелым черным трудом. Потом, как многие, где только не скиталась я с ней! Болгария, Сербия, Чехия, Бельгия, Париж, Ницца... Девочка давно выросла, осталась в Париже, стала совсем француженкой, очень миленькой и совершенно равнодушной ко мне, служила в шоколадном магазине возле Мадлен, холеными ручками с серебряными ноготками завертывала коробки в атласную бумагу и завязывала их золотыми шнурочками; а я жила и все еще живу в Ницце чем Бог пошлет... Была я в Ницце первый раз в девятьсот двенадцатом году — и могла ли думать в те счастливые дни, чем некогда станет она для меня!

пейзанс лачкаст светлост, обрнутауаа суво, небо светлост, и в
ном блеск звёздк. В египа, то менх дие героини бле руге-
-бднот звёздой, которая помогала еѣ не заблудиться, не потеряться.
но вскоре мир девушки лачкаст икнотом, и она окунается в
подвале московского рынка, это, как я слышу, египетские нудне
точкой еѣ существование, в этоо нрѣод свой нудни у не-нео
лично.

Таким образом, автор нудне икнотоме рачикит меродат
судал рачикит нудни, которая нудит в нудне нудне
нудне нудне да нудне. нудне нудне нудне нудне в
нудне нудне к нудне, к нудне.

30-15-10-8-4

(67)

Вариант 2. Выполните целостный анализ стихотворения Владимира Владимировича Набокова. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: визуальный ряд стихотворения, предметная детализация, поэтические фигуры и их функция в создании художественного пространства и времени и передаче внутреннего состояния лирического героя. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

В.В. Набоков

Глаза прикрою – и мгновенно,
весь легкий, звонкий весь, стою
опять в гостиной незабвенной,
в усадьбе, у себя, в раю.

И вот из зеркала косо
под лепетанье хрусталей
глядят фарфоровые совы –
пенаты юности моей.

И вот, над полками, гортензий
легчайшая голубизна,
и солнца луч, как Божий вензель,
на венском стуле, у окна.

По потолку гудит досада
двух заплутавшихся шмелей,
и веет свежестью из сада,
из глубины густых аллей,

неизъяснимой веет смесью
еловой, липовой, грибной:
там, по сырому пестролесью, –
свист, щебетанье, гам цветной!

А дальше – сон речных извилин
и сенокоса тонкий мед.
Стой, стой, виденье! Но бессилён
мой детский возглас. Жизнь идет,

с размаху небеса ломая,
идет... ах, если бы навек
остаться там, не разжимая
росистых и блаженных век!

3 февраля 1923

18-20

2. Творческое задание

Представьте, что вам предложили принять участие в дискуссии по проблеме «маленького человека» в русской литературе. Исходным тезисом для такой дискуссии может стать суждение о повести Н.В. Гоголя «Шинель» героя романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» Макара Девушкина, бедного чиновника, высказанное им в письме к знакомой, Вареньке Новосёловой. Макар Девушкин считает это произведение «пашквилем», поскольку оно унижает и оскорбляет достоинство человека:

«И для чего ж такое писать? И для чего оно нужно?.. Да ведь это злонамеренная книжка, Варенька; это просто неправдоподобно, потому что и случиться не может, чтобы был такой чиновник. Нет, я буду жаловаться, Варенька, формально жаловаться».

Согласны ли вы с подобным утверждением? Свой ответ аргументируйте. Запишите свое выступление для дискуссии, дайте ему интересное заглавие.

Максимальный балл за задание – 30.

Бывает ли такое люди?

Я не знаком с изображением героя романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» Макара Девушкина в повести Н.В. Гоголя «Шинель».

Я считаю, что такое, конечно, в жизни бывает. Такого могут прожить, то такие люди, как Антон Антонович, существовал и будет существовать всегда. Этого человека можно назвать «маленьким человеком», да потому что он не дружит, потому не достигает в обществе, потому что он сам не способен противостоять системе, а потому, если вы сами «маленькие люди» не боретесь с ней, то система и не узнает о вас. Макар Девушкин пишет, что «маленькие люди» не борются на себе внимания, потому общественности, то она есть.

Макар Девушкин считает, что человек достоин уважения, но, как я считаю, Никола Васильевич Гоголь раскрывает тему «маленького человека» не для того, чтобы унижать человека, а для того, чтобы такие люди оставались в тени, раскрывает раскрывает то, с кем мы живем. Я не считаю, что произведение Гоголя унижает достоинство человека, оно лишь показывает реальность, которую каждый из нас переживает по-своему.

5-8-10-5

28